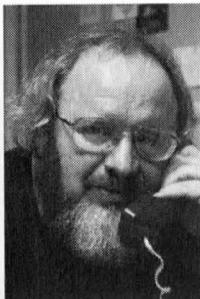

Impuls

ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ЛЕТО 14 / 2010

Виктор Фом

В расширяющейся Вселенной

Строка

Концентрическими кругами
уходя за свои края,
плотно сложено оригами
бытия и небытия.

Век исчерпывая мгновенный,
мы еще поживем пока
в расширяющейся Вселенной,
где по краю бежит строка.

Глюк

*Es gibt keinen Weg zum Glück.
Glücklichsein ist der Weg.
Gautama Buddha.*

Истекает мрачный век,
есть у века кайнен вег,
нет у века больше тайн,
ноу вэй цум глюклихзайн,
перекрыты все пути,
надо ворона найти.

Лошадь моет красный конник,
заварю себе лимонник,
кот залез на подоконник,
вот и ворон тут как тут:
черти ворона несут.

Велком, велком, мистер ворон,
нам известен с давних пор он,
мы продолжим старый спор:

я читал в живом журнале,
как на прошлом биеннале
ты молол ученый вздор,
вредный и ненужный вздор.

Каркни, ворон, из Эдгара,
мастер черного пиара,
каркни с нами заодно,
что планета перегрета,
что предвидится комета,
что забвенье ждет поэта,
все мы видели в кино;
знаешь, ворон, вам, пернатым,
вроде бы не виноватым,
тоже сгинуть сужено;
вот такое, брат, кино.

Говори же, ворон-птаха;
по тебе не плачет плаха,
так скажи, ради аллаха,
что погубит этот свет?
Каркнул ворон: "Интернет!"

Из-за дымовой завесы
не спеша выходят бесы,
огнемет наперевес,
прикрывающий прогресс.

Где же этот самый ворон?
Глянь, присел на монитор он
и уставился в упор,
и глядит без разговора,
как мелькает духов свора,
и без карканья, без ора,
вечно смотрит с этих пор,
смотрит ворон в монитор.

РИМ

There is a world elsewhere.
Шекспир, «Корiolан».

Есть мир за пределами звука,
Его не опишут слова.
Стрела вылетает из лука,
Упрямо дрожит тетива.

А дальше – черта огневая,
Где стерлись иные черты.
Есть Рим за пределами рая,
И рай – за пределом мечты.

Слова, и пространства, и годы
Сотрутся, истлеют, уйдут.
Есть мир за пределом природы,
За кромкою наших минут.

Так молния в небе хранима,
Разрядом пронизана тьма.
Есть мир за пределами Рима,
И Рим – за пределом ума.

Тайна

Тайну вечного секрета
Наконец узнали мы:
Там, где есть источник света,
Должен быть источник тьмы.

Скорлупой орехов грецких
Стены мира стали вмиг
За пределом наших детских,
На страницах взрослых книг.

Кто и тьмой, и светом правит?
Кто орехи дверью давит?
Без картинок наши дни:
Разговоры в них одни.

Наши знания случайны:
Как понять, где тьма, где свет?
Может, в мире нету тайны;
Может, в этом весь секрет?

Путевые заметки

1.

Страна Восточно-Северия;
Здесь неизвестна малярия.
Во тьме лесов, среди болот
Холодной клювой сводит рот.
Отсюда, севши на забор,
Оценит лесоустроитель
Покрытый снегом водосбор,
Где Брейгелем воспетый житель
Ползет, живет, скользит по льду.
Рыбак трудится на пруду,
Пробив дыру. Здесь тишина;
Здесь скорость света не нужна.

2.

Язык восточно-северийский
Напоминает иберийский
(Исчезнувший). На нем мы чешем
Интеллигенту интеллект,
Порою переводом тешим
На индо-евро-диалект.
Не искушен в делах ненужных,
Не отличает наш народ
Своих (вост.-северских) широт
От чуждых стран, закатно-южных.
Но резкость взгляда ни к чему
Тому, кто пялится во тьму.

3.

По кромке впадины бессточной
Поселок избами дымит.
Товарный северско-восточный
Раз в сутки мимо прогремит.
Напевы дев, стройны и слитны,
Из репродукторов звучат,
И все тарелки сателлитны
Оборотились на закат.
Народ внимает сериалам
Про жизнь закатно-южных стран,
Упервшись взглядом запоздальным
В восточно-северский экран.

4.

В семье восточно-северянской,
Традиционной, хулиганской,

Держали моду и фасон;
Хвативши первача, со свистом
Сцеплялись с аккордеонистом,
Но старый мир ушел, как сон.
Восточно-северские дети
Имеют сайты в Интернете;
Мутна забвения река,
По ней несется бревна, льдины;
Мы понимаем смысл картины,
Но наша роль невелика.

5.

Но грянет миг гиперборейский;
Народ восстанет северейский,
Своей восточною рукой
Сорвет последний рубероид
И врубит свой гиперболоид
По-над забвения рекой.
Остынут в голове слова;
Народ качал свои права,
Но пользовался ли правами?
И виновата ли среда?
Там, высоко над головами,
К утру намерзнет корка льда.

Взгляд

Я вижу мир в разрезе редком
по строкам старых дневников,
по рукописным этикеткам
из осыпей и ледников.

Я внемлю силам планетарным
и открывающимся дням,
и откровениям гербарным,
их стеблям, листьям и корням.

Под стук колес, на третьей полке,
я вижу дивные слова –
необъясенные осколки
неистового естества.

И мир поймет свои уроки,
найдя когда-нибудь весной
мои пророческие строки
вот в этой книжке записной.